

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ
И
ИСТОРИЯ



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ ЕГИПЕТСКАЯ ПОЭМА «ЙАСИН И БАХИЙЯ» НАГИБА СУРУРА

В Египте имена Йасин и Бахийя широко распространены среди крестьян. В сознании всякого египтянина они связаны с образами простых феллахов и, как в русском фольклоре — Иван да Марья, — имена нарицательные. У многих поэтов герои с такими именами символизируют простой народ, скромных тружеников на земле.

В 1964 г. на сцене каирского театра «Масрах эль-Гейб» осуществляется необычная для Египта постановка: сцену заполнили феллахи, основным содержанием действия явилась народная борьба против угнетателей — феодалов, а главными героями стали Йасин и Бахийя. Автором и режиссером ее был Нагиб Сурур.

Нагиб Мухаммед Сурур родился 1 июня 1932 г. в деревне Ихтаб египетской провинции Дакахлия. Писать стихи он начал еще в школьные годы, которые проходили в городе эль-Мансура, прославленной родине многих поэтов, певцов, художников, любителей искусства. В это же время он приобщается к общественной жизни страны, принимая участие в демонстрациях протеста против английской колониальной политики. В 1956 г. Нагиб Сурур закончил Институт театрального искусства. Важнейшим событием, определившим его творческую судьбу, было пребывание в Советском Союзе, где он учился режиссерскому мастерству с 1958 по 1964 г. По возвращении на родину Нагиб Сурур начал работать режиссером каирского театра «Масрах эль-Гейб», где осуществил постановку пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Здесь же увидела свет рампы написанная им еще в Советском Союзе и законченная в Бухаресте поэма «Йасин и Бахийя».¹ Кроме поэмы, перу Нагиба Сурура принадлежат критические статьи о новом поэтическом движении в арабских странах, несколько поэтических диванов, отдельные стихотворения из которых переведены впоследствии на русский язык.²

Поэму «Йасин и Бахийя» следует считать заметной вехой в творчестве писателя. Она нашла широкий отклик в литературной критике Египта. В одной из статей египетский критик Абд ал-Фаттах ал-Баруди писал: «Как бы ни были различны мнения относительно поэмы „Йасин и Бахийя“, которую поставил „Масрах эль-Гейб“, она заслуживает высокой оценки, хотя бы только потому, что представляет собой серьезный опыт. Ее автор, Нагиб Сурур, нарисовал страдания феллахов и угнетение, которому они подвергались в то время, когда помещики владели и землей, и всеми, кто жил на ней, и всем, что на ней находилось».³ Мухаммед Мандур, из-

¹ Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя [Йасин и Бахийя. Роман в стихах]. — Журн. «ал-Масрахийя» [«Пьеса»], 1965, № 5. — Поэма завершена Нагибом Суруром в 1964 г.

² См.: Молодые поэты арабских стран. М., 1965, с. 106—118.

³ Ал-Баруди Абд ал-Фаттах. Киссат ал-фаллахин ала-л-масрах [Повесть о феллахах на сцене]. — Ал-Ахбар, 24 декабря 1964. Цит. по: Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 136.

вестный египетский критик и литературовед, отмечая новизну поэмы, писал: «Вот так наши молодые актеры сумели успешно сыграть великопейнейшую стихотворную поэму-роман в новой сценической форме, которой не было еще ни в Египте, ни в какой-либо другой стране мира». ⁴ Он же указывал на то, что с этой поэмой на смену смятенности пьес Тауфика аль-Хакима пришла смелость, ответственность перед обществом, ангажированность произведений Нагиба Сурура. ⁵

Язык поэмы представляет собой смесь литературной и разговорной речи. Повествование рассказчика ведется на литературном арабском языке, а диалоги, монологи, песни — на народно-разговорном языке Египта. Поэма написана свободным стихом, однако песни сохраняют размеры, характерные для народной египетской поэзии. Композиционно она распадается на тринадцать частей: пролог, в котором автор говорит об основной теме повествования, о его цели, о слушателях, к которым оно обращено, далее — одиннадцать картин и прерывистый эпилог в двух разделах, озаглавленных «перед концом» в картине девятой и «после конца» вслед за картиной одиннадцатой.

Это произведение Нагиба Сурура можно считать поэмой-эпопеей, потому что оно представляет широкое полотно народной жизни, ее поэтизацию. В прологе автор декларирует свою задачу — создать монументальную картину жизни страны: «Я хочу, чтобы эта повесть жила вечно, о если бы я был Гомером или Вергилием, о если бы мне обладать лирой Данте или пером Шекспира, о если бы я был лучшим из рыцарей — Байроном». ⁶ Поэт выполнил поставленную задачу: в его поэме нашла отражение борьба египетского народа против феодального уклада, против жестокой эксплуатации крестьян, за свободу. Не случайно эпиграфом к поэме послужили слова египетской «Национальной хартии» (май 1962 г.), констатирующие революционную ситуацию в стране того периода: «Гнев египетского народа, прокладывающего дорогу преобразованиям, начал превращаться из индивидуального в общий. Восстания феллахов против феодального гнета стали достигать степени вооруженных столкновений между борцами с рабством и между владельцами земли, господами над судьбами тех, чья жизнь с древности неразрывно связана с этой землей, хотя они и были лишены ее на протяжении веков». ⁷

В поэме разворачивается цепь событий, связанных с египетским селом Бухут (севернее эль-Мансуры), молодым феллахом Йасином и его невестой Бахийей. В самом начале поэма характеризует главного героя. Йасин — батрак из деревни Бухут, смуглый, как хлеб, стройный, как пальма. Он не мечтает о рае, где текут реки из меда. После трудового дня ему и глоток воды из кувшина или канала слаще меда. Живет он в хижине с завалинкой, где в лунные вечера собираются друзья, чтобы поделиться новостями, спеть любимые песни-маввали, выпить стакан ароматного чая, послушать скрип оросительного колеса или плач свирели. Йасин любит деревенскую девушку, свою двоюродную сестру Бахийю, но не может жениться: у него нет земли, нет денег для выкупа за невесту. Йасин терпеливо ждет, но беды следуют одна за другой, и вот однажды паша, владелец земли в деревне, решил забрать Бахийю в свой дворец в услужение. О паше шла дурная молва: девушки, попадавшие в его дом, возвращались обезбещенными, а по старым египетским обычаям наказанием за потерю чести была смерть: девушку убивали, чтобы скрыть позор, который обрушивался в этом случае на семью. Йасин хочет спасти Бахийю. Он поднимает восстание крестьян против пашы и гибнет в нерав-

⁴ М а н д у р Мухаммед. Мин хайрат ал-Хаким пла плтзам Нагиб Сурур [От смятенности аль-Хакима до ангажированности Нагиба Сурура]. — Роз эль-Йусуф, 28 декабря 1964. Цит. по: С у р у р Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 122.

⁵ Там же.

⁶ С у р у р Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 8.

⁷ Там же, с. 5.

ной борьбе. Йасин убит, но гнев феллахов достиг крайнего предела, и читатель понимает, что они будут продолжать борьбу.⁸

В центре повествования Нагиба Сурура страдания крестьян под властью феодалов. Вот судьба отца Йасина: по произволу помещика он был заключен в тюрьму, где и умер.⁹ Самого Йасина безо всякой причины, только по приказу паши схватили, подвесили за ноги и жестоко избили.¹⁰

Поэма изобилует групповыми народными сценами, когда крестьяне, собираясь, ведут беседы, содержащие социальные обобщения. В качестве примера можно привести такую беседу:

Вот были Адам и Ева,—
сказал один,—
спустились с неба,
вот дети их и дети детей.
А что? Была тогда власть
господ и пашей?
.....
А скажи,— подхватил другой,—
кто владел в те годы землей?
В чьих руках был скот?
Кто сеял, убирал урожай, проплевал пот?¹¹

Эти вопросы поэт оставляет нерешенными. В другой беседе крестьян речь идет об уходе на заработки в город:

- Есть ли что-нибудь города краше?
Люди живут там словно цари,
даже богаче.
- Ну зачем же так говорить?
- Сколько там заводов и фабрик!
Сколько работы: трудись — не ленись!
Выйдешь на улицу — деньги дождем полились.
Надо только их собирать
да потуже карман набивать.
Это вам не Бухут,
ни пахоты, ни страды, вот она — настоящая жизнь!
- Нет,— грустно сказал другой,—
жизнь там проклята,
хуже Бухута.
- Послушай,— третий сказал,— стой!
Сколько феллахов в город ушли
и вернулись нагими домой.
- Нагими? . . . Вернулись больными, с нищей сумой.
- А сколько из них не вернулось совсем?
Город стал им, как рай и эдем.
- Это кто ж?
Кто же это?¹²

Широкое полотно народной жизни в поэме создавалось Нагибом Суруром с привлечением фольклорных источников. Для поэта характерна модификация многих народных египетских песен-маввалей с целью ярче донести до читателя свои идеи. Например, известная народная песня Верхнего Египта «О пароход!» переработана автором, чтобы показать классовое неравенство в египетском обществе:

şaffar ya wabūr şaffar ya wabūr	Свисти, пароход, свисти!
yāma laffēna we 'addēna bhūr	Сколько мы плавали, сколько прошли морей.
ed-dunya wabūr bi talat daragāt	Мир — трех классов корабль,

⁸ И с к а н д е р Амир. Кўтила Йасин ва лакинна-л-габа тазхафу [Йасин убит, но лес (восставших крестьян) надвигается]. Цит. по: Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 131—135.

⁹ Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 14, 60.

¹⁰ Там же, с. 30, 74.

¹¹ Там же, с. 18—19.

¹² Там же, с. 66.

we-l-māl biyifarraḡ bēn en-nās
we ḥadde šab'an we-t-tāni šaḥḥāt
we-l-faḡr ma ḥalla f riḡluḥ madās
yāma nās fi qušūr we tabāt we nabāt
usturḥa ya Mursi yabu-l- 'Abbās
raḥ yibḡa lna fi-l-ganna qušūr
šaffar ya wabūr šaffar ya wabūr¹³

и деньги делят людей:
один — пресыщен,
другой — босяк,
кто-то в роскошных дворцах живет,
Помилуй их господи!¹⁴ Кто-то — бедняк.
Нам же — хоромы в раю обрести.
Свисти, паролод, свисти!

О социальном неравенстве говорит и другой маввал поэмы:

Есть люди — мед и сиропы пьют, напитки других, как уксус, кислоты.
Есть люди — на мягкой постели спят, другие ложатся на камень голы.
Есть люди — одеты в шелк и муар, другие — в дерюгу грубее метлы.
Люди душат свободу других, чтоб стали они низки и подлы.¹⁵

Привлечены Нагибом Суруром и такие популярные до настоящего времени старинные народные песни, как свадебная «ya naḥletēn fi-l-'alāli» (О две пальмы в вышине);¹⁶ любовная «ḥamaḡma beḡa dahla 'a-l-binniyya»:

Белая голубка залетела на насест.
Милая невеста с карими глазами.
Я исполню обет, если ты придешь в мой дом.
Надену я шелковую одежду оливкового цвета.
Поднимусь тогда с тобой на крышу [дома].
Покажу тебе звезду утренней зари.¹⁷

Отдельные элементы этой песни можно встретить, например, среди песен, зафиксированных английским востоковедом Лэйном в первой трети XIX в. В песне Нагиба Сурура — nedrin 'alayu law getini bēti; у Лэйна — nedren 'aleiya we-n ata mahhboobii, nedren 'aleiya we-n atanii seedee la'-mel 'amayil ma 'amelhash 'Antar.¹⁸ Элементы другой песни-страдания можно обнаружить в маввалах начала прошлого века, сохранных рукописью А. О. Мухлинского в библиотеке восточного факультета Ленинградского университета. У Нагиба Сурура — ṭabibāk ya garḡe mātu winta lissa ḥayu//ya garḡe ṭib wiḥtiši šafšaf 'alēk el-ḥayu¹⁹ (Твои врачеватели, о рана, умерли, а ты еще жива. О рана, выздоравливай, постыдись, ведь ты одна такая во всей округе). В рукописи восточного факультета — yā garḡe šarikṭinī fi-l-'omre nānā tib²⁰ (О рана, ты шла вместе со мной по жизни, достаточно, выздоравливай). Известный египетский фольклорист Ахмед Рушди Салих, оценивая песни, где упоминаются раны народные, подчеркивал их большое социальное значение.²¹

Рассмотрев поэму «Йасин и Бахийя», египетская критика указала, что тоска по родине и любовь к народу, к простым людям Египта вдохновили поэта на создание такого великолепного новаторского для арабской литературы произведения.²² К этой оценке критики следует добавить, что не только тоска по родине, не только устное народное творчество

¹³ Там же, с. 50.

¹⁴ В тексте дословно: «помилуй их, Мурси Абу-л-Аббас». Ахмед ибн Омар ал-Мурси Абу-л-Аббас — египетский суфий XIII в., которого египтяне до сих пор почитают.

¹⁵ Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 18.

¹⁶ Там же, с. 57.

¹⁷ Там же, с. 14.

¹⁸ Lane E. W. An account of the manners and customs of the Modern Egyptians, written in Egypt during the years 1833, 34 and 35, vol. II. London, MDCCCXXXVII, p. 89, 90.

¹⁹ Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 60.

²⁰ Ms.0.896 — рукопись библиотеки восточного факультета Ленинградского университета, с. 15 (л. 8а).

²¹ Салих Ахмед Рушди. Фунун ал-адаб аш-ша'би [Жанры народной литературы], ч. 1. Каир, 1956, с. 67.

²² Ахмед Фахим. Карйа камила ала Масрах ал-Гейб [Целая деревня на сцене театра «Масрах эль-Гейб»]. — Журн. «ал-Изаа ва-т-Тилифизюн», 17 апреля 1965. Цит. по: Сурур Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 143.

своей страны послужили основой в работе поэта, но и великие демократические идеи русской литературы, с которой он не мог не познакомиться, долгое время находясь в Москве.

В композиции, образах, стиле поэмы можно проследить некрасовские традиции русской литературы.²³

В поэме «Йасин и Бахийя» отразились революционно-демократические идеи. Лирического героя Нагиба Сурура тревожит покорность народа перед угнетателями, и он с горечью говорит:

Как ты неразумен, Бухут,
ты — жертва! . .
О Бухут!
Ты, как вулкан, не ведаешь собственной силы.
Ты, как потоп, древних истоков своих не знаешь.²⁴

Поэзия Нагиба Сурура тяготеет к эпическим обобщениям. Вот как, например, рассказывает он о восстании феллахов:

Никто не знает,
как появились из трещин земли тысячи мотыг,
целый лес,
целое войско.
В страхе отступили бандиты,
стреляя
в безумьи.
А лес между тем надвигался на Бухут.
Упало двое. . . потом третий,
потом четвертый.
А лес между тем надвигался.
Затихли выстрелы.
Йасин был там
с мотыгой, как все.
О Бухут!
Ты, как вулкан, ты так силен!
О Бухут!
Ты, как потоп, так ты древен!
Бросил Йасин мотыгу, стала она винтовкой.
Так Моисей бросил когда-то свой посох.
И вот в руках уж у всех богатырей
винтовки.²⁵
.
Лес надвигался на Бухут
под стаями голубей,
и [голуби] у них на плечах, у этих героев.
Затрепетал птенчик [Бахийя] от страха,
начал птенчик плакать:
«О голубь, захлопай крыльями,
лети и плыви в воздухе,
парь и маши крыльями,
на плечо к свободному опустись».
А лес между тем надвигался
на Бухут!²⁶

В поэме «Йасин и Бахийя» дано изображение крестьянской среды, народной психологии, нравов, обычаев, сны-размышления героев соотносятся с картинами народной жизни. Так, характерен сон Бахийи, в котором заключена основная идея поэмы: Йасин станет главой крестьянского восстания. Он выступает в ее сне как кормчий.²⁷ Описаны и бедствия крестьян. Например, картина пожара в Бухуте²⁸ и другие события.

²³ Ср.: К р а с н о в Г. В. Некрасов Николай Алексеевич.— Краткая литературная энциклопедия, т. 5. М., 1968, с. 176—184.

²⁴ С у р у р Нагиб. Йасин ва Бахийя, с. 74, 75, 92.

²⁵ Там же, с. 97—98.

²⁶ Там же, с. 102.

²⁷ Там же, с. 25—29.

²⁸ Там же, с. 71.

Все это позволяет утверждать, что Нагиб Сурур, долго живший в Советском Союзе и начавший работу над поэмой именно здесь, испытал влияние некрасовской традиции русской литературы.

Антифеодальная поэма-эпопея Нагиба Сурура — значительное явление в новой арабской поэзии. Это великолепное поэтическое полотно народной жизни Египта, одно из первых произведений эпического характера, в котором отброшены каноны древней арабской поэзии и использованы свободный стих, принципы нового поэтического движения. В красочном языке поэмы нашли отражение песенное народное творчество, египетский фольклор.

O. B. Frolova

AN ANTI-FEUDAL POEM «YĀSĪN AND BAHIYA»
OF NAGĪB SURŪR

The article analyzes the poem «Yāsīn and Bahiya» by contemporary Egyptian writer Nagīb Surūr. The poem is treated as an epos of the people's life and anti-feudal struggle in Egypt. Nagīb Surūr applies in his poetry to the folk-lore and re-composes the famous folk-songs. This poem may be typologically associated with some works in Russian literature and specially with the works of Russian poet Nekrassov.
